

КАЖДАЯ РОЛЬ — ЖИЗНЬ

ВЕЧЕРОМ он сменил одежду, приклеил бороду и стал жить под чужой фамилией. Он стал Бессеменовым. Чтобы его не узнали, принял и другие меры предосторожности: постарел и сильно изменил характер. Он вышел из своей жизни и вошел в роль. Давали «Мещане» М. Горького. Он актер. Евгений Алексеевич Лебедев, народный артист СССР.

В этот вечер он жил в первые годы нашего столетия. В другие вечера, играя Тихона в «Грозе» А. Островского, переселялся еще дальше, в прошлый век. Когда же бывал Фальстафом из «Генриха IV», то и вовсе обращался в человека шекспировских времен. Он ведет, как видите, кочевой образ жизни — переезжает из века в век, из одной жизни в другую. Теперь ему кажется, что в свои 54 года он прожил лет триста — четыреста. Много жизней: каждая роль — жизнь.

Его роли не похожи одна на другую, как не похожи одна на другую разные жизни. На сцене он неузнаваем даже для близких. Ну, что общего, например, между Лебедевым и одним из его героев — дедом Шукарем из шолоховской «Поднятой целины»? Шукарь и по возрасту много старше, и по натуре совсем другой. Лебедев жестче, много собраннее. Его никак не назовешь балагуром. Помстиче ангельской терпимостью к человеческому своеобразием нужно ему обладать, чтобы не исказить этот образ своей индивидуальностью. Лебедевский Шукарь всех смешит, но никому не даст повода смеяться над собой. Лебедев не дает в обиду своего героя, но не потому, что покровительствует ему. Он видит, что в самой сути этой жизни есть нечто вовсе не смешное, а скорее драматическое: радостные перемены пришли в его станицу, когда сам он уже совсем стар...

Судьба самого Лебедева совсем не похожа и на судьбу другого его героя — акционного надзирателя Маврикия Мошахова из «Варваров» М. Горького. Тот сохнет в дремучем уездном городе старой России. Все его мечты разбиты. Мошахов — банкрот не финансовый, а что более страшно — моральный, нравственный. Обворовали его цивилизованные дикари, столичные «просветители», отняли последнее, что у него оставалось, — жену-красавицу. Но лишь довели до банкротства, выпотрошили его душу, а еще раньше он утратил за ненадобностью для той жизни, в которой жил, все истинное, настоящее, что только и было в нем.

А что же Лебедев? Он-то добился многого, о чем мог мечтать. Он стал актером и теперь на первых ролях в прекрасном театре — Ленинградском государственном Большом дра-

матическом имени М. Горького. Он знаменит. Не настолько, правда, как бывает знаменит футболист или киноактер. Драматические актеры играют в четырех стенах, и вполне возможно, что многие не слышали имени Лебедева во всяком случае не видели его на сцене. Да, театр не может дать актеру необъятную аудиторию. Но в этом, пожалуй, есть и свое преимущество: актер надежнее избавлен от лишнего восторга, поспешных признаний. Впрочем, Лебедев снимался и в кино. Например, в фильмах «Последний месяц осени», «Начало», «В огне брода нет». Так что его единственный рекламный агент — талант — обеспечил ему широкую известность. Итак, удачливый человек играет неудачника...

И уж совсем много внутреннего состава человек — Артуро Уи из пьесы Бертольта Брехта «Карьера Артуро Уи, которой могло не быть», этой сатирической драмы о взлете ничтожества и его приземлении на трон. Карьерист Артуро Уи и актер Лебедев, начисто лишенный этой страсти. Если, случалось, в каких-то ролях можно было играть, так сказать, допустимый, несостоявшийся вариант своей собственной жизни, то как быть тут? Лебедеву помог Брехт, указавший, кто послужил ему прообразом Артуро Уи, — Адольф Гитлер. Вскоре актер знал о своем герое столько, что мог безошибочно вообразить его. Ему вообще очень важно видеть перед собой ту личность, в голове которой могли родиться такие мысли, важно тоже найти прообраз своего образа.

Лебедев по мыслям, по переживаниям героев пьесы разыскивает в жизни прототипов. Когда он создавал, например, образ Бессеменова, прототипом служил его дед. Лебедев ездил к нему в Куйбышев, хотя знал, что деда уже нет в живых. Но многое осталось: пейзажи, дом, вещи. Вещи знали о деде множество историй. Стол подарил Лебедеву жест дедовского гнева — когда смели ему перечить, дед вскакивал и в ярости швырял об стол деревянную ложку. Этот жест повторит в «Мещанах» лебедевский Бессеменов. Но и сама суть образа была взята актером из дедовского характера, враждебного ко всякой самостоятельности.

Изображая Артуро Уи, Лебедев правдиво играет плохого актера, что под силу лишь хорошему актеру. Он играет позера и выскочку, который все делает словно напроказ, даже лжет. На сцене Лебедев видит благодаря постоянным размышлениям смысл каждого своего движения, каждой интонации. Но рассудочность уживается в нем с непосредственностью. Он будто влитой в образ.

Роль Артуро Уи играли прекрасные

актеры в разных театрах мира: в «Берлинском ансамбле» — Эккерхард Шалль, во французском Национальном Народном театре — Жан Вилар, в варшавском «Театре Всплутурны» — Тадеуш Ломницкий. Тем почетнее, что теперь всем театральным миром Лебедев признан как один из самых выдающихся исполнителей этой роли. Он участвовал в этом спектакле и на сцене варшавского театра.

ДЕСЯТКИ ролей. Десятки жизней. Но ведь у человека всего одна жизнь, у каждого — одна. И как ни живи, никто не наградит тебя еще одной. Но Лебедев видит, что в его одной-единственной жизни словно есть множество, которые бы он никогда не прожил, на которые внимания, может, не обратил, не будь он актером.

Он разный во всех ролях, но всегда верен своему актерскому кредо, себе самому, своей жизни. Ведь где берет он для своих ролей усталость, восторг, недоумение — все то, что требуется вдруг его герою? Как удастся ему стать безмерно счастливым, когда требуется слезный? Или несчастным? Да ведь это его, Лебедева, личное счастье, личная усталость, личное недоумение. Он просто одалживает на время своему герою свои чувства, чтобы тот ожил. Все это он берет из своей жизни. Его жизнь — вот та большая роль, которую он играет во всех спектаклях. Надо лишь как следует продумать и припомнить, как вел ты себя, попадая в сходные положения. Или вспомнить, когда охватывало тебя то чувство, которое требуется сейчас твоему герою, и, вспоминая о тех обстоятельствах, вызвавших в себе прежние чувства — дуть на гаснущий костер, оживляя огонь.

— Это можно сравнить с настроенной радиоприемника, — говорит Лебедев, — и в человеке события раздражают определенную частоту.

Однажды, по ходу спектакля, Лебедеву пришлось играть больного — и он действительно заболел, да так жгил в роль, что после спектакля его отвезли в больницу с высокой температурой. Я говорю об этом, чтобы вы поняли, какой силой перевоплощения обладает этот актер. Собственно, без способности самовнушения, самогипноза нет настоящего актера.

Однако дело не только в умении постичь себя самого, выследить тайны своей натуры. Но и в том, чтобы, когда надо, дать потесниться всему личному, чтобы понять другого.

«Мадам Бовари» — это «я», — сказал Флобер. И это не шутка, а высшее откровение, возможное лишь в минуты вдохновения. Писатель становится каждым из своих героев, он тоже должен перевоплощаться в них. Также должен быть актером, играть сразу столько ролей, сколько в рома-

не, повести, пьесе действующих лиц. Литературное произведение — это театр одного актера, имя которого — писатель. А что же в театре?

С годами, с опытом, все пристальней приглядываясь к своим героям, Лебедев стал замечать, что ему не просто знакомы их чувства, они сами (или жили по соседству, или приходили к нему на прием, когда он был депутатом Ленсовета, или встречались в зарубежной поездке), но, припоминая их, глядя на них, казалось бы со стороны, он вдруг обнаруживал, что говорит голосом тех людей, что те люди жестикуют его руками. И он не возмущается их самоуправству, а радуется.

ТАК РАБОТАЯ, нужно совсем по-особому жить. Ведь на что обрекает себя Лебедев? Он возрождает то, что прошло. И не одни радости, но и страдания, неудачи, тоску, чтобы они тоже были тут, рядом, за кулисами, в ожидании своей сцены. Представьте: снова переживать то, что и один раз было пережить нелегко. Однако без мужества талант скудеет.

И как же нужно жадно впитывать в себя жизнь, жить с оголенными нервами, ничего не отгораживать, не желая забвения даже своим страданиям, чтобы потом, собирая себя по частям — по улыбкам, усмешкам, взглядам, движениям, — создавать предельно достоверный образ, чтобы роли не застали врасплох. У кого научиться этому?

Лебедев брал уроки театрального мастерства в Тбилистском театре кукол, где шил для кукол платья. («Я одел весь труп», — вспоминает он). Он учился играть в Самарском театре рабочей молодежи, там были у него превосходные учителя — Алексей Леонтьевич Антонов, Василий Васильевич Меркурьев. Потом перенес мастерство у Камерного театра. Он жил тогда в Москве и учился в театральном техникуме. Родственница отказала ему в приеме, ночевал в подъездах или в будке стрелочника, но в Камерный театр ходил на все спектакли. Его театральным университетом был и реалистический театр Н. Охлопкова. («Они выпускали «Железный поток», а я всю буталофию — траву, листья — делал»). У него и сейчас превосходные учителя — Ленинградский государственный Большой драматический театр имени М. Горького и его главный режиссер народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий Георгий Александрович Товстоногов.

Но учителей у него гораздо больше: он ведь прилежный ученик жизни.

Как-то на аэродроме, когда задержали вылет, случайно за столиком ресторана он оказался в большой мужской компании. Каждый говорил о себе и, хваля себя, пытался превзойти всех. По метеоусловиям разговор затянулся. Люди, исчерпав всю стоящую правду о себе, начинали ее измышлять. Некоторым удавалось облагородить ложь вдохновением и тем самым, искусно загримировав ее, придать ей большой смысл правды... Этот урок

актерского мастерства очень пригодился Лебедеву, когда он работал над ролью Броньки Пупкова из фильма В. Шукшина «Странные люди».

В той же компании был и еще не сыгранный Лебедевым человек. Самый невзрачный из всех. Он был единственным, кого не покинуло хладнокровие в минуты всеобщего азарта. Он молча, худенький, низкий, сгорбился над тарелкой и ел, не поднимая глаз. И все посмеивались над этим человеком, обделенным не только значительными событиями, но и фантазией. Человек не возражал, и всей его хрупкой фигурой владело смущение. Его подбавляли все же сказать о себе хоть слово. И он только назвал себя. И все разом привстали, и он, видя, что смущенные люди, стал извиняться и быстро ушел. Это был ученый, известный всему миру... Роль человека, стоящего над людской суетностью, над мелочным, минутным, Лебедев еще не сыграл. А сколько несыгранных ролей!

ЛЕБЕДЕВУ, впрочем, и для того, чтобы выбраться из своих ролей, тоже требуется сила перевоплощения. На досуге он перевоплощается в слесаря, или портного, или кондитера. Он прежде был и слесарем, и портным, и кондитером. И теперь, став артистом, не забросил окончательно ни одно из тех ремесел, которые постиг в годы своей трудной юности, которые тогда кормили его. Он к тому же выжигает, выпиливает.

Его любимый уголок в квартире — его мастерская. Она мало похожа на мастерскую актера — больше на мастерскую художника (здесь много его картин, эскизов и различных ролей). Или же на механическую мастерскую. Чтобы не пресытиться, отдохнуть от своей любви к актерскому труду, сбегает он от своих ролей в эту мастерскую. Чтобы забыть себя хоть на час. Но, ищущая его, смотрят с им же сделанных портретов им же рожденные герои. Он, заметьте, сбегает от своего труда, но куда? К другому труду. Больше всего он боится отвыкнуть много работать.

И коль уж зашел разговор о его страхах, скажу и о таком: боится, что его репертуар может показаться кому-то несвоевременным. «Подлинные страсти всегда современные», — говорит он. Для него понятие современности очень долговечно. «А актер, какую бы роль ни исполнял, когда бы ни жил на сцене, — в шекспировские времена или в наши дни, должен заново зритель серьезной мыслью не колыхнуть, а именно заново, поднять в нем бурю переживаний» — таково его кредо. Но ему хочется чаще жить и на сцене в наши дни. По его же словам, «как термометр, чувствуя температуру зрительного зала», видя, как умеют люди разбираться в чужих страхах, он понимает, какой богатой духовной жизнью живут его зрители, его современники. «И чем выше температура зрительного зала, тем сильнее бьется у актера сердце», — сказал мне Лебедев.

Между прочим, Лебедев с улыбкой вспоминает, как в детстве не раз пытался с друзьями обнаружить, где находится сердце. С годами сердце обнаружилось, чтобы любить, болеть, восторгаться. Одно на все его жизни, оно живет в его груди трудно и счастливо.

А. ПЛУТНИК.